

точки зрения современный белорусский политический дискурс.

Цюрихская конференция вызвала большой интерес швейцарских славистов, приехавших на нее из других городов и принявших участие в дискуссиях, продолжавшихся и вне университетских стен, после заседаний. Тексты докладов, прозвучавших на конференции, плани-

руется опубликовать в отдельном сборнике на английском языке.

Е. Вельмезова

Сведения об авторе:

Екатерина Вельмезова
Лозаннский университет

X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

С 21 по 23 ноября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошла юбилейная X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, организованная Институтом лингвистических исследований РАН.

Впервые подобная конференция состоялась в 2004 г., когда Институт лингвистических исследований РАН совместно с Петербургским лингвистическим обществом решили организовать конференцию для молодых типологов. Своей целью организаторы видели сохранение и развитие традиций Ленинградской / Петербургской типологической школы, которое, по их мнению, невозможно без обмена научными идеями с российскими и зарубежными коллегами. Конференция, предполагающая дискуссии между начинающими исследователями и уже сложившимися лингвистами, была призвана сохранить преемственность поколений.

С тех пор традиция проведения ежегодных конференций по типологии и грамматике в Институте лингвистических исследований ни разу не нарушалась, и неослабевающий интерес участников и слушателей свидетельствует о том, что организаторам из года в год удается поддерживать высокий уровень лекций и докладов. В этом году конференция отметила свой юбилей: она стала десятой по счету. В связи с этим было принято решение внести некоторые изменения в привычную схему заседаний и впервые провести тематическую секцию. Ее было решено посвятить грамматикализации: в последние 30 лет исследования в этой области получили широкое распространение в лингвистике, оформившись в отдельную теорию, и, несмотря на большое количество теоретической литературы, конкретные процессы и пути грамматикализации до сих пор остаются не до конца изученными; особый интерес представляет и исследование грамматикализационных явлений в свете ареального влияния. Кроме того, с проявлениями грамматикализации на разных уровнях сталкивается почти каждый исследователь, какой бы конкретной грамматической темой он ни занимался, а это значит, что данная проблематика близка и интересна многим.

В то же время организаторы ни в коей мере не ограничивали участников в выборе темы доклада, а потому выступления, как всегда, были очень разнообразны. На конференции были представлены различные направления лингвистических исследований, от синхронных описаний типологически редких явлений в конкретных языках до диахронических исследований. По сложившейся традиции, сразу несколько докладов были посвящены проблемам лингвистической типологии. Большинство докладов было основано на собственных полевых материалах авторов; широко представлены были и корпусные исследования. О разнообразии интересов участников свидетельствует и спектр языков, представленных на конференции, от русского до австронезийского атаял или лоома из юго-западной группы манде; многие выступления представляли собой результаты типологического анализа данных языков различной генетической и ареальной принадлежности.

Программа конференции включала 11 пленарных заседаний, в том числе 3 заседания тематической секции. Всего в конференции приняли участие 38 молодых ученых – студентов, аспирантов и научных сотрудников из различных научно-исследовательских институтов и вузов России и Европы: ИЯз РАН, ИРЯ РАН, ИСл РАН, ИСАА МГУ, ИЛИ РАН, НИУ ВШЭ, МГУ, РГГУ, СПбГУ, LLACAN CNRS (Париж) и Хельсинкского университета, – а также сотрудники компании ABBYY. Помимо докладов молодых исследователей, на конференции прозвучала и пленарная лекция. Ее в рамках одного из заседаний секции «Грамматикализация» прочитал Т.А. Майсак (Москва).

Торжественное открытие конференции состоялось 21 ноября. На последовавшем за ним утреннем заседании выступили три докладчика. А.А. Горлова (Санкт-Петербург) рассказала о некоторых особенностях гортативных конструкций в русском языке. По ее словам, гортативное значение в русском языке может выражаться при помощи семи конструкций. Проанализировав материалы Национального корпуса русского языка, А.А. Горлова об-

наружила, что категория вида дает жесткие ограничения на образование гортативных конструкций: большинство из них могут образовываться только от лексем какого-то одного вида, а две конструкции, допускающие образование от лексем обоих видов, имеют ограничения на семантический тип употребленного в них глагола. Опросы носителей показали, что с точки зрения семантики гортативные конструкции различаются тем, что некоторые из них, например, формы типа *пойдём*, используются как при единственном адресате, так и при множестве адресатов, в то время как другие употребляются либо только при единственном адресате, как *давай петь*, либо только при множестве адресатов, как *давайте петь*. Наконец, гортативные конструкции различаются в зависимости от возможности или невозможности введения местоименного подлежащего.

Доклад Т.А. Архангельского (Москва) был посвящен описанию дистрибутивных свойств энклитик в бесермянском диалекте удмуртского языка: их места в клаузе и взаимного расположения. Выяснилось, что из 9 рассматриваемых автором энклитик только 2 тяготеют ко второй, ваккернагелевской, позиции, остальные употребляются при предикате. Поскольку в удмуртском языке одно опорное слово может иметь до 4 энклитик, порядок их расположения определяется строгими правилами. Интересно, что составить линейную схему расположения энклитик при этом оказывается невозможно: на материале корпуса текстов Т.А. Архангельскому удалось зафиксировать как минимум два случая, когда отношение «находиться левее» для пар энклитик оказывается нетранзитивным.

Тему энклитик в бесермянском диалекте удмуртского языка продолжил доклад Ю.Н. Зубовой (Москва). Она рассказала о семантике и синтаксических свойствах двух частиц, *ik* и *uk*, значения которых часто оказываются очень близки. Проанализировав частеречную принадлежность опорных слов для исследуемых частиц на материале корпусных данных, Ю.Н. Зубова установила, что *ik* чаще присоединяется к наречиям, а *uk* – к глаголам. Для того, чтобы определить, в чем заключаются семантические различия между двумя частицами, она предложила информантам подставить одну из них на место пропуска в предложения из специально разработанной для этих целей анкеты. Оказалось, что частица *ik* вносит значение неизменяемости элементов ситуации, а частица *uk* выделяет элемент контрастной пары. По мнению Ю.Н. Зубовой, это позволяет объяснить и частеречное распределение опорных слов: новая информация обычно вводится предикатом, что отражается в преимущ-

венном присоединении *uk* к предикату, тогда как *ik*, напротив, маркирует именную лексему, выражающую неизменяющийся компонент ситуации.

Дневное заседание открыло выступление В.А. Генераловой (Санкт-Петербург), посвященное распределению конструкций с сенсентциальными актантами в башкирском языке в зависимости от семантики матричных предикатов. В.А. Генералова попыталась выявить семантические компоненты, влияющие на само наличие свободы выбора между несколькими конструкциями с сенсентциальными актантами при одном и том же предикате. Выяснилось, что с наименьшим количеством стратегий сочетаются фазовые глаголы и модальный предикат *teješ* 'должен', а с наибольшим – эмотивные глаголы. Интересно, что глагол *kür-* 'видеть', который может употребляться как в прямом перцептивном значении, так и в переносном когнитивном значении 'понимать', способен, в зависимости от значения, сочетаться со стратегиями, в целом присущими каждому из этих классов глаголов. Таким образом, по мнению В.А. Генераловой, релевантной оказывается не отнесенность глагола к тому или иному классу, а компоненты значения, характерные для каждого из классов и их соотношение в семантике каждого отдельного глагола.

О конструкциях с сенсентциальными актантами в другом – мокшанском – языке рассказала А.Д. Кожемякина (Москва). В том случае, если зависимая клауза не имеет морфосинтаксических свойств независимого предложения, для оформления сенсентциального актанта в мокшанском языке употребляются инфинитивы и номинализации, восходящие к протоуральскому имени действия на *-m*. Для того, чтобы отнести такие формы к конкретному грамматическому разряду, А.Д. Кожемякина проверила, какими глагольными и именными свойствами они характеризуются. Выяснилось, что три формы – на *-ms*, *-mә* и *-mdә* – тяготеют к инфинитивам, а форма на *-mә* с показателем генитива определенного склонения или с посессивными показателями – к именам действия. При этом оказалось, что в целом номинализации ведут себя аналогично именным группам (ИГ), а единственное различие заключается в субъектно-объектном согласовании с сочиненными зависимыми предикатами: для существительных в позиции прямого дополнения обязательно согласование по множественному числу, а в сенсентциальных актантах допускается согласование как по единственному, так и по множественному числу.

Употреблению двух латышских глаголов в значении *acquisitive modals* был посвящен доклад А.Д. Даугавет (Санкт-Петербург).

Под *acquisitive modals* подразумевается способ выражения модальных значений возможности и необходимости, восходящий к глаголам со значением 'получать'. В латышском языке имеется два таких глагола: *dabūt* 'получать' и *tikt* 'оказываться (перемещаясь в пространстве)'. По словам А.Д. Даугавет, эти глаголы обладают двумя интересными особенностями: во-первых, в ряде значений они выступают как переходный и непереходный эквиваленты. Во-вторых, употребление глаголов *dabūt* и *tikt* в значении возможности или необходимости уже, чем употребление *acquisitive modals* в других языках, например, в шведском или эстонском. Как правило, латышские глаголы выражают изменение объективных обстоятельств, благоприятное или неблагоприятное для субъекта, которое обязательно приводит к совершению им действия, выраженного инфинитивом.

Предметом исследования Л.В. Клименченко (Москва), открывшей вечернее заседание, стали глагольные формы с показателями *-wə*, *-wəre* и *-rjə* в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Эти глаголы используются в придаточных с временным значением. Как показала Л.В. Клименченко, основное различие форм на *-wə* и *-wəre* заключается в том, что первая выражает непродолжительное событие, а потому употребляется в таксисных конструкциях, обозначающих дистантное и контактное предшествование, а вторая указывает на длительность ситуации и потому используется в таксисных конструкциях, выражающих прерываемое предшествование или полную одновременность. Форма на *-rjə* выражает предшествование; такие формы часто используются в нарративах, образуя цепочечные конструкции. При этом они обозначают одномоментное событие, а продолженная ситуация в нарративе будет выражена формой на *-wəre*.

Выступление М.Б. Ермолаевой (Москва) было посвящено подлежащему в конструкциях с разносубъектным деепричастием на *-p* в киргизском языке и в мишарском диалекте татарского языка. По ее данным, в мишарском диалекте татарского языка в целом предложения, в которых субъект деепричастия некоррелентен подлежащему финитной клаузы, неграмматичны. Однако существует ряд условий, при которых подобные предложения становятся приемлемыми. Для некоторых носителей таким условием является семантическая связь между субъектами деепричастной и финитной клауз, например, отношение «часть – целое», для других – связь самих ситуаций, описываемых деепричастной и финитной клаузами, например, причинно-следственные отношения. В отличие от мишарского диалекта татарского языка, в киргизском языке разносубъектное

употребление деепричастия на *-p* допускается всегда, но здесь существует другая проблема: среди конструкций, в которых имеется только каузальная связь между ситуациями, встречаются как подчинительные, так и сочинительные конструкции. При отсутствии любой связи между клаузами, кроме временной, между клаузами устанавливаются сочинительные отношения. В случае же наличия либо только связи между субъектами, либо связи обоих типов, конструкция проявляет подчинительные свойства. Таким образом, заключает М.Б. Ермолаева, одно и то же семантическое ограничение в мишарском диалекте татарского языка является условием грамматичности разносубъектных конструкций с деепричастием на *-p*, а в киргизском языке становится условием подчинения.

А.П. Выдрин (Санкт-Петербург) представил в своем докладе результаты типологического исследования способов выражения субъектного имперсонала в иранских языках. Как показал А.П. Выдрин, в иранских языках значение имперсонала может выражаться при помощи глагольных форм 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч. или 3 л. мн. ч. активного залога или при помощи пассивной конструкции с опущенным агентным дополнением. Единственным иранским языком, имеющим глагольную категорию имперсонала, является современный осетинский (восточноиранский). В нем имперсонал образуется с помощью специализированного суффикса *-æ*, который присоединяется к частицу прошедшего времени, и вспомогательного глагола *uævyn* 'быть' в форме 3 л. ед. ч., который может изменяться по всем временам и наклонениям. По данным А.П. Выдриной, подразумеваемым субъектом имперсонала могут быть только одушевленные сущности, а эксплицитное его выражение недопустимо.

Проблеме выражения имперсонального значения было посвящено и следующее выступление – доклад Н.М. Стойновой (Москва) об имперсональных конструкциях в нанайском языке. По ее словам, суффикс, который во всех тунгусо-маньчжурских языках выражает каузативное и пассивное значение, в нанайском языке выполняет функции, далеко отстоящие от прототипических функций показателя залога / актантной деривации. Конструкции с глаголами в прошедшем времени, оформленными этим суффиксом, можно рассматривать как субъектно-имперсональные. Конструкции с формами настоящего времени, помимо имперсональной семантики, приобретают еще и модальное (разные типы значений необходимости или возможности) или хабитуальное / генерическое значение. Изредка фиксируемые случаи употребления с выраженным подлежащим

и частотное преобладание форм настоящего времени над формами прошедшего времени свидетельствуют о том, что именно модальная функция становится основной для этого глагольного показателя, а функция маркера актантного преобразования постепенно утрачивается. Как показала в докладе Н.М. Стойнова, само развитие у показателя актантных преобразований хабитуальных и модальных значений типологически ожидаемо, однако наблюдающееся расщепление между формами настоящего и прошедшего времени ставит вопрос о закономерности такой асимметрии. Асимметрия форм настоящего и прошедшего времени объясняется в докладе тем, что устранение первого участника ситуации, не завершённой к моменту речи, с гораздо большей вероятностью, нежели в случае с завершённой ситуацией, предопределяет осмысление ситуации как нерелевантной.

Последнее в этот день заседание открыло выступление П.А. Коваль (Москва), рассказавшего о некоторых особенностях соотношения внутренней структуры и семантики прилагательных в татарском. Непроизводные прилагательные в этом языке всегда располагаются в ближайшей к вершине позиции, тогда как для производных прилагательных в составе ИГ имеются две позиции. Как показал в своем докладе П.А. Коваль, распределение производных прилагательных между ними определяется размером составляющей, которая входит в адъективную деривацию. Помимо этого, было показано, что производные прилагательные отличаются от производных аналогов по параметру открытости / закрытости шкалы снизу. У производных прилагательных шкала всегда закрыта, на ней нет отрицательных значений, у производных прилагательных – наоборот.

Два заключительных доклада в этот день представляли исследования в области лексической типологии. Совместный доклад А.А. Козлова, А.В. Кухто и М.Ю. Привизенцевой (Москва) был посвящен поиску ответа на вопрос: существует ли в реальности семантическое поле и не является ли оно только описательным лингвистическим конструктом? Исследователи обратились к семантическому полю размера, в пределах которого обычно выделяются два подполя: так называемые *latus*-прилагательные типа русского *длинный* и *altus*-прилагательные типа русского *широкий*. Принято считать, что ни одно прилагательное не может выражать значения из обеих зон. Однако авторы доклада обнаружили, что ирландское слово *tanai* 'тонкий, мелкий' используется и для обозначения толщины льда, и для обозначения глубины снега. По мнению исследователей, это говорит о том, что в язы-

ках мира возможны две стратегии: в большинстве языков для концептуализации размера релевантен тип взаимодействия с экспериенцем, в ирландском же важнее форма объекта. На этом основании авторы доклада пришли к выводу, что с типологической точки зрения два поля пересекаются, но набор конкретных значений, составляющих поле, может варьировать от языка к языку. Таким образом, утверждая, что семантические поля не универсальны, но универсальны принципы восприятия, которые их организуют.

Систему прилагательных 'старый', 'новый', 'молодой' в трех языках: мокшанском, коми-зырянском и ненецком – рассмотрели Е.В. Кашкин и С.О. Никифорова (Москва). В своем исследовании они использовали анкету, разработанную Е.В. Рахилиной и А.В. Марушкиной. Эта анкета основана на выделении 8 базовых классов ситуаций, в которых может употребляться прилагательное 'старый'. Материалы уральских языков, с одной стороны, подтверждают правомерность выделения самих классов ситуаций, а с другой, свидетельствуют о необходимости более дробного их членения. Кроме того, оказалось, что категоризация семантических зон 'старого' и 'молодого, нового' устроена асимметрично: в зоне 'молодого, нового' системно закрепляются за одной лексемой те классы ситуаций, которые описываются разными лексемами в зоне 'старого'.

Второй день конференции открылся докладом К.А. Шагал (Финляндия) о типологических разновидностях причастий и способе их выделения. Известно, что понятие причастия часто оказывается слишком широким для практического применения, и даже при узком понимании, которого обычно придерживаются авторы типологических работ, под определение причастия попадают формы, проявляющие совершенно различные морфологические и синтаксические свойства. В исследовании была поставлена задача выяснить, существуют ли внутри традиционно выделяемой «причастной зоны» кластеры причастий со сходным набором значений морфологических и синтаксических параметров или же значения этих параметров комбинируются случайным образом. На материале языковой выборки из 30 языков, принадлежащих к 27 языковым семьям, К.А. Шагал выявила в общей сложности 54 причастных формы. Анализ показал, что причастия действительно группируются в несколько кластеров, каждый из которых характеризуется общностью морфологических и синтаксических признаков.

Выступление М.Ю. Привизенцевой (Москва) было посвящено двум особенностям

относительных предложений в темниковском диалекте мокшанского языка: нестандартному падежному кодированию относительного местоимения и явлению *attractio inversa*. Было показано, что из 12 падежей, имеющих в мокшанском языке, относительное местоимение может принимать формы лишь трех: номинатива, генитива и датива. В результате актант зависимой предикации, выраженный относительным местоимением, может иметь особое оформление, отличающееся от оформления актантов в главной предикации. Особенность *attractio inversa*, т.е. приписывания падежа внешней вершине относительного предложения в соответствии с требованием зависимой, а не главной клаузы, в мокшанском языке заключается в том, что относительные предложения, в которых наблюдается это явление, не являются внутривершинными, несмотря на приписывание падежа вершине из зависимой клаузы, а значит, представляют отдельный, интересный и редкий с типологической точки зрения тип относительной конструкции.

Об изменении функций определенного артикля в составе наречных сочетаний в восточном идише рассказала Т.А. П а н о в а (Москва). В этом языке существует продуктивная модель образования наречий из субстантивированного прилагательного в форме дательного падежа с предлогом *in*. Поскольку субстантивированные прилагательные в идише относятся к женскому роду, определенный артикль женского рода в форме дательного падежа единственного числа *der* начинает восприниматься как показатель наречного сочетания, а потому становятся возможны конструкции, в которых он употребляется с существительными мужского рода. Интересно, что в литовском диалекте восточного идиша, где нет дательного падежа, наречные сочетания также образуются с артиклем *der*, что говорит о высокой степени его грамматикализации.

Материал идиша послужил основой и для следующего доклада, открывшего дневное заседание. Его представила Е.С. Лучина (Москва), которая обратилась к анализу двух разновидностей так называемой «длительной» аспектуальной конструкции с глаголом *haltn*. Первая из них выражает значение прогрессива / итератива, а вторая, с частицей *eun*, — значение континуатива. Судя по данным Корпуса языка идиш, прогрессивно-итеративная конструкция употребляется только в форме прошедшего или настоящего времени и ее употребление фактически свелось к таксисной роли. В отличие от нее, континуативная конструкция может употребляться во всех временных формах, сохраняя свое исходное значение.

О выражении аспектуальных значений рассуждали в своем совместном докладе и

А.А. Козлов, Н.А. Муравьев и С.О. Никифорова (Москва). Они представили результаты исследования семантики и морфосинтаксиса деривации с суффиксом *-z'əv-* в мокшанском языке. Проанализировав соотношение аспектуальной семантики суффикса и акциональных свойств глагольных лексем, они обнаружили тесную связь между аспектуальными преобразованиями и модификацией аргументной структуры в семантике этого суффикса. Оказалось, что производные глаголы могут выражать значение инхоатива, пунктива или, реже, комплетива, либо модифицировать аргументную структуру глагола, выражая семантику декаузатива.

В последнем перед перерывом докладе И.М. Горбунова (Москва) рассказала о языке без времени. Она отталкивалась от того наблюдения, что существующие грамматические описания языка атаял (атайлическая ветвь австронезийской семьи) постулируют как минимум наличие в этом языке оппозиции «будущее / небудущее». Однако полевые исследования И.М. Горбуновой показали, что любую временную референцию в этом языке может выражать форма, не маркированная специальными показателями и, напротив, все показатели, обычно трактуемые как показатели времени, на самом деле имеют аспектуальную, аспектуально-модальную или чисто модальную семантику.

Во время вечернего заседания состоялось первое заседание тематической секции «Грамматикализация». Открыла его пленарная лекция Т.А. Майсака (Москва) «Типологическое, ареальное и внутривершинное в грамматикализации (на материале лезгинских языков)». В ней лектор рассказал о некоторых типичных и, наоборот, уникальных путях грамматикализации, обнаруживаемых в лезгинских языках.

Вслед за лекцией прозвучали выступления двух докладчиков. Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург / Франция) рассказала о грамматикализации числительного 'один' в языке лоома. Было показано, что исконная основа **iā-* в современном лоома утратила свое нумеративное значение, однако дала жизнь нескольким грамматическим и лексическим единицам. Примечательно, что среди путей грамматикализации числительного 'один' в лоома встречаются как типологически ожидаемые, вроде неопределенного детерминатива, так и необычные, типа показателя, выражающего ряд значений из рефактивной зоны. В докладе Д.Ф. Мищенко попыталась объяснить развитие наиболее неожиданной — репетитивной ('сделать еще раз') — семантики этого показателя через значение аддитива ('сделать еще немного').

С.А. Оскольская (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад грамматикализации глагола *bi-* 'быть' в нанайском языке. На материале корпуса текстов она выделила три типа аналитических конструкций с этим глаголом в зависимости от их морфологических свойств. По мнению С.А. Оскольской, употребление глагола *bi-* в конструкциях этих типов позволяет постулировать как минимум три стадии его грамматикализации: на первой стадии *bi-* является смысловым глаголом с полноценным набором грамматических форм, на второй стадии он превращается во вспомогательный глагол, выражающий лишь грамматическую информацию, и, наконец, на третьей стадии утрачивает даже часть грамматической информации, становясь неизменяемой служебной единицей – показателем конструкции.

Завершило этот день второе заседание тематической секции конференции. Д.В. Герасимов (Санкт-Петербург) рассказал о диахронической эволюции русского выражения *до ужаса*, постепенно превратившегося в интенсификатор – модификатор единиц с признаковой семантикой, выражающий значение высокой степени. Корпусные данные показывают, что первичными употреблениями *до ужаса* являются буквальное употребление, описывающие эмоциональное состояние участника ситуации, затем развиваются субъективные прочтения, а после этого происходит грамматикализация в интенсификатор. При этом на протяжении XX в. растет доля сочетаний *до ужаса* с прилагательными и наречиями, а употребления конструкции все больше распространяются на слова с положительной семантикой. Д.В. Герасимов предположил, что развитие выражения *до ужаса* в показатель высокой степени мотивировано, во-первых, семантикой самого существительного *ужас*, а во-вторых, значением предлога *до*, в своем исходном пространственном значении маркирующего конечный пункт движения и, следовательно, высокую точку на шкале.

Совместный доклад Е.С. Лучиной и Л.О. Наний (Москва) был посвящен результатам типологического исследования путей грамматикализации признаковых лексем со значением 'прямой'. На основании данных 15 языков авторы установили, что семантическое изменение происходит по следующей схеме: сначала наречие 'прямо' обозначает характеристику движения, затем точность направления, потом оценку локализации и, наконец, приобретает дискурсивные употребления, т. е. превращается в контрастивную фокусную или модальную оценочную частицу.

Последний доклад второго дня конференции представлял материал языка кумаони

(северная подгруппа индоарийских языков). Е.А. Ренковская (Москва) рассказала об отглагольных послелогах в этом языке. Все они заменяют или, реже, дублируют другие послелоги, ранее употреблявшиеся в такой функции. Как показала в докладе Е.А. Ренковская, типологически нетривиальной является грамматикализация глагольных форм в предлоги / послелоги, маркирующие актанты, а также грамматикализация глаголов с семантикой 'писать' и 'видеть'. На описании послелога, образованного от этого последнего глагола, Е.А. Ренковская остановилась особенно подробно, поскольку он подвергся грамматикализации совсем недавно и ранее не был описан.

Третий день конференции открыло короткое утреннее заседание, состоявшее из двух докладов. Д.А. Рыжова, М.В. Кюсева и П.М. Аркадьев (Москва) обратились к исследованию семантического взаимодействия граммы инструменталиса с лексической основой, к которой он присоединяется, в бесленевском диалекте кабардино-черкесского языка. Они предположили, что распределение значений инструменталиса по лексемам обусловлено семантическим классом имени: разные лексические классы «притягиваются» к одним значениям и «отталкиваются» от других. Результаты исследования показали, что в именной лексике можно выделить ядерные классы, типичные для инструментального падежа, и периферийные. К первым относятся слова, которые прочно ассоциируются с одной или несколькими функциями падежа, например функцией инструмента или средства. Ко вторым относятся слова, в форме инструменталиса выражающие широкий спектр значений, как правило, более общих, чем значения у лексем из первого класса.

А.Е. Аксёнова (Москва) рассказала о морфосинтаксических различиях в дистрибуции изафетных конструкций в карачаево-балкарском языке. Было показано, что в этом языке три типа изафетных конструкций по-разному используются носителями разных поколений. А.Е. Аксёнова предположила, что в системе молодых носителей карачаево-балкарского языка изафетный маркер был реинтерпретирован как показатель определенного посессора, что привело к фактической утрате второй изафетной конструкции, в которой посессор выражался неопределенной ИГ. После этого значения, которые выражала вторая изафетная конструкция, стали передаваться при помощи первой изафетной конструкции. При этом, как отмечает А.Е. Аксёнова, предпосылки для такого перераспределения функций обнаруживаются уже в исходной системе, где дистрибуция

первой и второй изафетных конструкций имеет существенную область пересечения.

Дневное заседание конференции, ставшее последним на тематической секции «Грамматикализация», открыло выступление А.П. Евстигнеевой (Москва). Ее исследование было посвящено дифференцированному маркированию объекта в черекском диалекте карачаево-балкарского языка. А.П. Евстигнеева предложила анализировать языковые данные с опорой на понятие падежного фильтра. По ее мнению, неспособность оформленного прямого дополнения в карачаево-балкарском языке сочиняться с неоформленным, подтверждает предположение о том, что они представляют собой ИГ разных структурных типов. ИГ с показателем аккумулятива следует считать группой определителя (Determiner Phrase, или DP), а ИГ без показателя аккумулятива – группой числа (Number Phrase, или NumP), о чем говорит отсутствие нейтрализации числовой оппозиции. При этом падежный фильтр применяется к структурам обоих типов, но только DP маркируется аккумулятивом морфологически.

Ю. Конума (Санкт-Петербург) обратилась к развитию японских результативных конструкций по направлению к перфекту. В зависимости от отношений между аргументной структурой глагола и актантной структурой конструкции, в которой он выступает, и от семантической роли субъекта результирующего состояния, Ю. Конума выделяет восемь типов результативных конструкций. В тех из них, в которых тем или иным формальным способом выражен агент, обозначаемая ситуация представляется как результирующее состояние под его контролем. Было показано, что в таких конструкциях агент остается уже не в том качестве, в котором он был представлен в предшествующем процессе: из всего комплекса агентивности остается лишь контролируемость. Именно такую стадию Ю. Конума считает первым этапом эволюции результата по направлению к перфекту.

Заключительное вечернее заседание конференции открыл доклад Н.М. Заики (Санкт-Петербург), посвященный вариативности падежных форм при глаголах движения в баскском языке, а именно наблюдаемой в диалектах Французской Страны Басков вариативности показателей аллатива *-ral/-rat*, а также вариативности аллативного и инессивного показателя, характерной для целого ряда языков, в том числе для баскского. Проанализировав произведения 51 писателя Французской Страны Басков и Испанской Наварры, Н.М. Заика обнаружила ряд интересных фактов. К примеру, оказалось, что вариативность показателей характерна не для всей Французской Страны Басков и в

различных областях нейтрализуется в пользу одного из показателей. С точки зрения диахронии на протяжении письменного периода развития языка увеличивается доля показателя *-rat*. Кроме того, Н.М. Заике удалось выявить идиолектные различия, а также обнаружить семантически обусловленные тенденции, связанные с выбором того или иного варианта.

А.Ч. Пиперски (Москва) рассказал о новых результатах исследования факторов устойчивости сильных глаголов в немецком языке. По его мнению, важную роль играет структура парадигмы: чем больше глагол формально отмечен как сильный, т. е. чем больше у него форм, однозначно идентифицируемых как сильные, тем выше вероятность того, что он сохранит сильное спряжение. Количественный анализ показывает, что доля древневерхнемецких глаголов с чередованием гласных в формах 2 и 3 лица настоящего времени, перешедших в слабое спряжение, составляет 2 %, тогда как среди глаголов без чередования она возрастает до 9,1 %. По мнению А.Ч. Пиперски, действие этого фактора объясняется механизмами усвоения языка детьми: чем сильнее формы глагола маркированы как принадлежащие к непродуктивному словоизменительному классу, тем выше вероятность сохранения у них этой непродуктивной модели словоизменения.

Значению неумышленности действия в русском языке был посвящен доклад М.А. Коршака (Москва). Выбрав несколько пар глаголов, относящихся к четырем разным классам: классу глаголов разрушения, речи, движения и чувственного восприятия – а также четыре наречия со значением неумышленности, она попыталась определить, с какими типами глаголов эти наречия сочетаются чаще всего, и понять, зависит ли частота их сочетаемости от признака переходности / непереходности глаголов. Анализ корпусных данных позволил обнаружить ряд закономерностей. Так, например, оказалось, что глаголы разрушения и чувственного восприятия чаще сочетаются с наречиями непредумышленности в переходных эквивалентах, а глаголы движения чаще встречаются в комбинациях с этими наречиями в непереходных вариантах.

С завершающим докладом на конференции выступил И.А. Стенин (Москва). Его выступление было посвящено таким случаям употребления каузативного показателя в северо-самодийских языках, когда он не является средством выражения повышающей деривации. Во-первых, каузатив может получать аппликативную интерпретацию. По словам И.А. Стенина, возможность интерпретации каузативного деривата одновременно как каузатива и как аппликатива ограничена, а ап-

пликативную интерпретацию чаще всего приобретают каузативы, образованные от глаголов порождения звука. Вторую группу некаузативных употреблений каузатива составляют такие случаи, при которых каузатив определенным образом модифицирует ролевую характеристику первого участника, а именно трактует его как более агентивного. Наконец, каузатив может служить для образования конверсивных пар типа 'купить' vs. 'продать'.

Итоги конференции подвел директор Института лингвистических исследований РАН акад. Н.Н. Казанский. В своей речи он выразил надежду на то, что конференция для молодых исследователей и впредь будет привлекать в Петербург участников и слушателей со всей страны и из-за рубежа, а высокая планка качества выступлений останется на уже заданном уровне.

Тезисы всех докладов опубликованы на сайте Института лингвистических исследований (http://iling.spb.ru/confs/youngconf2013_abstracts.pdf). Кроме того, всем участникам нынешней и прошлогодней конференции организаторы предложили подготовить статьи по материалам своих выступлений. Сборник статей выйдет в «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований».

Д.Ф. Мищенко

Сведения об авторе:

Дарья Федоровна Мищенко
Институт лингвистических исследований РАН,
LLACAN CNRS. Париж
zenitchiki@yandex.ru